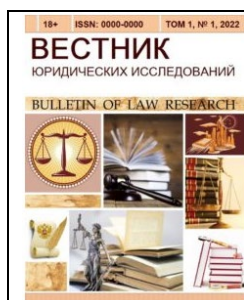

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2025, Том 4, № 6 / 2025, Vol. 4, Iss. 6 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 343.1

Нравственно-императивные основы уголовного законодательства России по трудам ученых-правоведов 19 – начала 20 века

¹ Бочаров И.Е., ¹ Хомченко В.В.,

¹ Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Аннотация: в статье реконструируются нравственно-императивные основания российской уголовно-правовой доктрины второй половины XIX – начала XX века по работам ведущих ученых-правоведов. Анализируются представления о справедливости и возмездии, вине и личной ответственности, гуманизме наказания, превенции и защите правопорядка, а также об автономии личности и правосознании.

Показано, что нормативная аргументация исследователей соединяла этико-правовые категории с задачами кодификации и судебной реформы, задавая ценностные ориентиры для Уложения о наказаниях 1845 года и Уголовного уложения 1903 года.

Предлагается интерпретационная модель, в которой моральные императивы выступают «скрытыми переменными» кодификации: они структурируют понятия преступления и наказания, влияют на выбор санкций, пределы усмотрения суда и пределы уголовно-правовой охраны.

Сделан вывод о преемственности этих оснований в современном российском праве, прежде всего в принципах законности, вины, гуманизма и справедливости.

Ключевые слова: нравственный императив, вина, справедливость, гуманизм, превенция, правосознание, российское уголовное право, Уложение 1845 года, Уголовное уложение 1903 года, российская юридическая мысль

Для цитирования: Бочаров И.Е., Хомченко В.В. Нравственно-императивные основы уголовного законодательства России по трудам ученых-правоведов 19 – начала 20 века // Вестник юридических исследований. 2025. Том 4. № 6. С. 46 – 51.

Поступила в редакцию: 3 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 1 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 25 декабря 2025 г.

The moral imperative foundations of Russian criminal law based on the works of scientists from the 19th and early 20th centuries

¹ Bocharov I.E., ¹ Khomchenko V.V.,

¹ Yelets State University named after I.A. Bunin

Abstract: the article reconstructs the moral and imperative foundations of the Russian criminal law doctrine of the second half of the 19th – early 20th century based on the works of leading scientists. The ideas of justice and retribution, guilt and personal responsibility, the humanism of punishment, prevention and protection of law and order, as well as personal autonomy and legal awareness are analyzed.

It is shown that the researchers' normative argumentation combined ethical and legal categories with the tasks of codification and judicial reform, setting value guidelines for the Penal Code of 1845 and the Criminal Code of 1903.

An interpretive model is proposed in which moral imperatives act as "hidden variables" of codification.: they structure the concepts of crime and punishment, influence the choice of sanctions, the limits of discretion of the court and the limits of criminal law protection.

The conclusion is made about the continuity of these foundations in modern Russian law, primarily in the principles of legality, guilt, humanism and justice.

Keywords: moral imperative, guilt, justice, humanism, prevention, legal awareness, Russian criminal law, Code of 1845, Criminal Code of 1903, Russian legal thought

For citation: Bocharov I.E., Khomchenko V.V. The moral imperative foundations of Russian criminal law based on the works of scientists from the 19th and early 20th centuries. Bulletin of Law Research. 2025. 4 (6). P. 46 – 51.

The article was submitted: September 3, 2025; Approved after reviewing: November 1, 2025; Accepted for publication: December 25, 2025.

Введение

Историческая эволюция российского уголовного права во второй половине XIX – начале XX века совпала с модернизацией государства и судостроительства, что придало теоретическим дискуссиям выраженный нормативный характер. Юристы обсуждали не только технику кодификации, но и основания, которые делают уголовный закон обязательным и справедливым [2]. Труды ведущих ученых того времени сформировали «внутреннюю конституцию» уголовного закона, где ключевыми категориями оказались вина как субъективное основание ответственности, справедливость как требование соразмерности, гуманизм как пределы карательного воздействия и превенция как задача охраны правопорядка. Эта система взглядов замещала прежнюю казуистику нравственным стандартом и тем самым переводила наказание из сферы устрашения и сословной репрессии в сферу юридически очерченной ответственности [5].

Особое место занимала идея автономии личности и правосознания. Исследователи связывали обязанность государства карать с обязанностью уважать человеческое достоинство, ограничивая жестокость и произвол [8]. Поэтому обсуждение смертной казни, телесных наказаний, каторжных работ, института помилования и условного осуждения велось в связи с вопросом о нравственном оправдании боли и лишений. Вскрывалась двойственная природа уголовной репрессии: с одной стороны, она защищает порядок и права других лиц, с другой – легко превращается в самоцель, если утрачивает связь со справедливостью и соразмерностью. Так возникал моральный императив гуманизации, поддержанный возрождением интереса к личности преступника, его мотивам, возрасту, душевному состоянию и исправимости [6].

Православная этика милосердия и покаяния задала гуманистический вектор доктрины и практики уголовного права Российской империи: наказание понималось не как самоцель возмездия, а как правовое средство защиты порядка с приоритетом исправления лица. Это обусловило акцент на индивидуализации ответственности, расширение круга смягчающих обстоятельств, развитие институтов помилования и смягчения наказаний, а также переосмысление целей тюремного заключения в воспитательно-исправительном ключе.

В трудах ведущих юристов рубежа веков морально-императивные начала формулируются как ограничения карательной власти государства принципами справедливости, соразмерности и целесообразности. Оглашённые ими установки согласуются с христианским пониманием достоинства личности и идеей возможности нравственного исправления, что институционально проявилось в курсе на смягчение санкций и в поддержке мер, направленных на предупреждение преступлений и ресоциализацию осуждённых [9].

В этой интеллектуальной атмосфере формировалась новая правовая техника. Понятия преступления и состава приобретали системность, вина отделялась от объективной опасности, а намерение и неосторожность требовали дифференциации санкций. Развивалась доктрина цели наказания, в которой возмездие и превенция переставали быть конкурирующими крайностями и рассматривались как взаимодополняющие основания. Ученые пытались наметить способ примирить требование справедливого воздаяния с необходимостью предупреждения новых посягательств и защиты общества, определяя роль исправления и воспитания. Нравственная аргументация играла здесь роль критерия допустимости новых институтов, таких как условное осуждение, отсрочка исполнения наказания или расширение пробационных практик [2].

Влияние названных идей проявлялось не только в университетских лекциях и монографиях, но и в подготовке проектов кодификации. Уголовное уложение 1903 года стало выразителем стремления к ясности понятий, уменьшению сословных различий, расширению судебного усмотрения при одновременной регламентации критериев соразмерности. Научная литература обеспечивала для этого ценностную опору, формируя «правовую чувствительность» к границам допустимого [4]. В итоге уголовный закон осмыслялся как нравственно ориентированная система: он должен охранять порядок без разрушения личности и поддерживать уважение к праву.

Материалы и методы исследований

Исследование опирается на реконструктивный анализ текстов российских правоведов второй половины XIX – начала XX века с фокусом на аргументации о нравственных основаниях уголовного закона.

Методологически используется историко-догматический подход в сочетании с контент-анализом ключевых понятий, позволяющий выявить устойчивые смысловые ядра и проследить их нормативную проекцию в кодификационных актах.

Результаты и обсуждения

В российской уголовно-правовой мысли второй половины XIX – начала XX века в качестве опорной рамки постепенно оформлялась система нравственно-императивных представлений о вине, справедливости и гуманизме наказания. Исследователи той эпохи рассматривали уголовный закон как инструмент охраны правопорядка, ограниченный требованиями соразмерности и уважения к человеческому достоинству, а также связывали легитимность карательных мер с наличием субъективного основания ответственности [1]. В научной литературе этого периода фиксировалась тенденция к согласованию воздаяния и превенции, что отражалось в проектах кодификации и судебной практике, не устраняя полностью полемики, но задавая общую ценностную ориентацию правоприменения [3].

И.Я. Фойницкий подчёркивал, что «цель наказания состоит преимущественно в предупреждении преступлений и исправлении преступника, а не в одном лишь возмездии» [10].

Переход от казуистического и сословно-стратифицированного наказания к построению уголовного закона на основе вины, соразмерности и гуманизма прослеживается при сравнительном чтении Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, судебных уставов 1864 года с их уголовно-процессуальными гарантиями и Уголовного уложения 1903 года. Уложение 1845 года зафиксировало решающую для эпохи попытку систематизации, в которой наказание понималось как юридически очерченная реакция государства на общественно опасное деяние, однако структура санкций и разграничение составов сохраняли следы сословной дифференциации и репрессивной традиции [9]. Именно в этой кодификации проявилась ранняя правовая артикуляция субъективной стороны преступления: внимание к намерению, неосторожности и обстоятельствам, уменьшающим вину, что открывало путь доктринальному утверждению личной ответственности. Внутренняя логика Уложения обусловила последующую модернизацию наказаний, включая сокращение жестоких мер и отказ от телесных наказаний в отношении значительной части населения, что интерпретировалось современной наукой как институциональный шаг к гуманизму.

Судебные уставы 1864 года, хотя и относились к процессуальному праву, оказали прямое воздействие на нравственную легитимацию уголовного закона. Введение суда присяжных, гласности и состязательности создало пространство, в котором уголовная ответственность стала восприниматься как результат публично проверяемой оценки доказательств и мотивов, а не выражение административного усмотрения [12].

Нормативная форма процессуальных гарантий усилила значение вины и справедливости как критериев законной репрессии, потому что вынесение обвинительного приговора требовало не только формального подтверждения факта, но и убеждения суда в виновности, соотносимой с назначаемой мерой. Через процессуальные институты уголовное право получило нравственную опору: наказание объяснялось обществу, а его пределы связывались с доказанной личной ответственностью.

Уголовное уложение 1903 года стало кульминацией догматической перестройки понятий преступления и наказания. Его конструкция выражала идею, согласно которой в центре уголовной ответственности стоит вина, дифференцированная по формам, а наказание назначается в границах, обеспечивающих соразмерность с учетом характера деяния и особенностей личности.

Уложение системно изложило положения о стадиях преступной деятельности, об участии и соисполнительстве, о невменяемости и возрастных особенностях, что укрепило этическую нить в правовом тексте: государство карает только в той мере, в какой доказана свободная и осознанная причастность к посягательству. Несмотря на то что нормы Уложения вводились в действие не полностью и поэтапно, сама нормативная логика демонстрировала отказ от механического устрашения в пользу рационально мотивированного воздаяния и предупреждения [5].

Сопоставление этих актов позволяет увидеть, как нравственно-императивные категории получили юридическую форму. Принцип законности вышел за пределы декларации и был обеспечен системной кодификацией составов и санкций, а вместе с судебными гарантиями обеспечил проверяемость обвинения.

Требование справедливости и соразмерности материализовалось в шкалах наказаний, в мотивировке приговоров и в ограничении самых тяжких мер. Идея гуманизма отразилась в постепенно расширявшемся спектре альтернатив лишению свободы, в институтах условного освобождения и смягчения ответственности при наличии обстоятельств, уменьшающих вину [7].

Превентивная функция перестала отождествляться с жестокостью: предупреждение стало пониматься как результат не только устрашения, но и исправления, а также как следствие ясности закона и неизбежности разумной ответственности. Эти нормативные решения не устраняли противоречий эпохи, однако задавали устойчивое направление развития, в котором уголовный закон виделся не инструментом произвольно-го принуждения, а правовым механизмом защиты личности и порядка в рамках нравственно допустимых границ [11].

Таблица 1

Нравственно-императивные категории, их содержание в доктрине и нормативный эффект.

Table 1

Moral imperative categories, their content in doctrine and normative effect.

Категория нравственного императива	Содержание по доктрине XIX – начала XX века	Нормативный эффект в кодификации и судебной практике
Вина и личная ответственность	Ответственность вытекает из свободного выбора и психического отношения к деянию; различаются умысел и неосторожность; исключаются объективные вменения	Дифференциация составов и санкций, признание субъективной стороны обязательным элементом, ограничение коллективной ответственности
Справедливость и соразмерность	Наказание должно соответствовать тяжести посягательства и степени вины, не допускаются чрезмерные меры	Развитие шкал санкций, расширение мотивировки при назначении наказания, ослабление сословной казуистики
Гуманизм и пределы карательного воздействия	Уважение к человеческому достоинству, недопустимость жестокости, ориентация на исправление	Сокращение жестоких мер, развитие альтернатив лишению свободы, обсуждение условного осуждения и probation
Превенция и охрана правопорядка	Уголовное право предупреждает новые посягательства и защищает общество при сохранении границ дозволенного	Баланс воздаяния и предупреждения, закрепление целей наказания, обоснование усиления мер при рецидиве
Правосознание и автономия личности	Закон должен укреплять уважение к праву и свободе личности, а власть ограничена нормой	Усиление принципа законности, повышение роли суда и мотивировки, отход от сословных привилегий

Реконструкция доктринальных позиций показывает, что ядро нравственного императива российской уголовно-правовой мысли составили три взаимно поддерживающих основания. Первое основание – признание вины как нравственно-психологического условия наказания. Через эту категорию правоведы вводили в уголовный закон понятие личной ответственности, отделяя наказуемое деяние от абстрактной опасности и коллективной вины. Это требование изменяло сам тип правовой аргументации: санкция должна отвечать не только внешнему вреду, но и внутреннему отношению лица, что делало наказание осмысленным в глазах общества и выстраивало доверие к суду.

Второе основание – связка справедливости и гуманизма. Справедливость задавала рамку соразмерности, а гуманизм определял предел допустимой боли. В научных дискуссиях постепенно складывалась формула, по которой наказание не может разрушать личность и должно стремиться к исправлению, иначе его нравственная легитимность исчезает. Такая позиция смещала центр тяжести с устрашения к воспитательному и защитному смыслу наказания, одновременно оставляя за государством право применять строгие меры при опасных посягательствах, но под контролем критерия необходимости.

Третье основание – превентивная направленность при уважении автономии личности. Исследователи стремились вывести уголовный закон из логики «карательного администрирования» и подчинить его задаче охраны свободы и правопорядка через ясные правила и мотивированное судебное усмотрение. В этой связи обсуждалась необходимость системной кодификации и публикации понятных норм, способных влиять на правосознание. Уголовное уложение 1903 года стало плодом этого понимания: оно укрепило си-

стемность понятий, равенство перед законом и предсказуемость наказаний, что имело не только техническое, но и моральное значение.

Указанные основания меняли границы уголовно-правовой охраны. С одной стороны, расширялась защита личности и собственности, где соразмерность и вина требовали точной типизации деяний. С другой стороны, нравственные аргументы препятствовали безбрежному росту репрессии и призывали к осторожности в криминализации. Тем самым доктрина формировала культуру ограниченного и мотивированного наказания. Эта культура заложила основу для современной интерпретации принципов гуманизма, законности, справедливости и вины в российском уголовном праве.

Выводы

Нравственно-императивные основания, сформированные российской юридической мыслью конца XIX – начала XX века, задали ценностный профиль уголовного законодательства и судебной практики. Категории вины, справедливости, гуманизма, превенции и автономии личности образовали интегральную систему, которая легитимировала наказание как юридически ограниченное воздаяние, ориентированное на защиту правопорядка и уважение к человеческому достоинству.

Уголовное уложение 1903 года закрепило значимую часть этой системы, а современное российское право сохраняет ее в принципах законности, вины, справедливости и гуманизма. Историко-догматический анализ показывает, что устойчивость уголовного закона обеспечивается не только техникой норм, но и нравственными императивами, которые формируют доверие к правосудию и удерживают репрессию в пределах необходимого.

Преимуществом указывает на потенциал развития российского уголовного права по линии укрепления мотивированного судебного усмотрения, уточнения шкал соразмерности и поддержки институтов, ориентированных на исправление без разрушения личности.

Список источников

1. Асадуллина А.А. Принцип равенства всех перед законом и судом в системе принципов уголовного судопроизводства: сущность и системные взаимосвязи // Система научных ценностей российского общества. 2025. С. 29.
2. Виноградов В.А., Ларичев А.А. Индекс этичности права как прикладной инструмент оценки соотношения права и морали // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 5. С. 4 – 23.
3. Ефремова Н.Н. Из истории возникновения российской судебной системы (XVIII в.). к столетнему юбилею судебной реформы 1922 г // Право и государство: теория и практика. 2022. № 7 (211). С. 6 – 9.
4. Зинатуллин Т.З. Этика адвоката-защитника: учеб. пособие. 2022. 380 с.
5. Овчинников А.И., Фетисов Т.А. Принцип светскости в статье 14 конституции Российской Федерации: постсекулярный подход // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10. № 1. С. 9 – 20.
6. Рудаева Ю.С., Подопригора А.А. Нравственные основы уголовного судопроизводства // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 6 (82). С. 161 – 165.
7. Сергеев Ю.С. Конституционно-правовая политика в сфере защиты трудовых прав граждан // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10. № 1. С. 21 – 26.
8. Сирякова Е.О. Уголовно-исполнительное право // Уголовно-исполнительное право Учредители: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. 2022. Т. 17. № 2. С. 152 – 159.
9. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902.
10. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1889.
11. Шаблова Е.Г. и др. Основы правового государства: учебное пособие. 2022. 412 с.
12. Щербакова О.В. Влияние моральных норм и нравственных принципов на правовое регулирование трудовых отношений. Монография. "Издательство" Проспект", 2022. 612 с.

References

1. Asadullina A.A. The Principle of Equality of All Before the Law and the Court in the System of Principles of Criminal Procedure: Essence and Systemic Interrelations. The System of Scientific Values of Russian Society. 2025. P. 29.
2. Vinogradov V.A., Larichev A.A. The Index of Ethical Law as an Applied Tool for Assessing the Relationship between Law and Morality. Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. No. 5. P. 4 – 23.

3. Efremova N.N. From the History of the Emergence of the Russian Judicial System (18th Century). To the Centenary of the Judicial Reform of 1922. *Law and State: Theory and Practice*. 2022. No. 7 (211). P. 6 – 9.
4. Zinatullin T.Z. *Ethics of a Defense Attorney: Textbook*. 2022. 380 p.
5. Ovchinnikov A.I., Fetisov T.A. The Principle of Secularity in Article 14 of the Constitution of the Russian Federation: A Post-Secular Approach. *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 9 – 20.
6. Rudayeva Yu.S., Podoprigora A.A. Moral Foundations of Criminal Proceedings. *Skif. Issues of Student Science*. 2023. No. 6 (82). P. 161 – 165.
7. Sergienko Yu.S. Constitutional and Legal Policy in the Sphere of Protecting Citizens' Labor Rights. *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 21 – 26.
8. Siryakova E.O. Criminal-executive law. *Criminal-executive law Founders: Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service*. 2022. Vol. 17. No. 2. P. 152 – 159.
9. Tagantsev N.S. *Russian criminal law: Lectures. General part*. St. Petersburg: Type. M.M. Stasyulevich, 1902.
10. Foinitsky I.Y. *The doctrine of punishment in connection with prison science*. St. Petersburg: Type. M.M. Stasyulevich, 1889.
11. Shablova E.G. et al. *Fundamentals of the rule of law: a textbook*. 2022. 412 p.
12. Shcherbakova O.V. The influence of moral norms and ethical principles on the legal regulation of labor relations. Monograph. "Prospect Publishing House", 2022. 612 p.

Информация об авторах

Бочаров И.Е., Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, ilyabocharov1998@mail.ru

Хомченко В.В., Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

© Бочаров И.Е., Хомченко В.В., 2025
